

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/15617793/515/16

Взгляд жандармских офицеров на коммерцию и коммерческие слои в Сибири в дореформенное время

Петр Петрович Румянцев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, petroom@mail.ru*

Аннотация. Исследуется представление жандармских офицеров на характер торговли, торговые отношения в Сибири, устанавливается характеристика, которую давали жандармы лицам, занимавшимся коммерцией. Источниками послужили жандармские рапорты, донесения, отчеты. Сделаны выводы, что жандармы в своей служебной деятельности уделяли повышенное внимание различным вопросам, связанным с развитием торговых отношений в Сибири, занимались исследованием обстоятельств, связанных с упадком торговли, предлагали меры по улучшению ситуации в торговой сфере, часть из которых принималась в расчет региональной властью.
Ключевые слова: Корпус жандармов, жандармы, надзор, Сибирь, XIX в., торговля, коммерция, ярмарки, коммерсанты, купечество

Источник финансирования: статья подготовлена на базе Института российской истории РАН в рамках научного проекта «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемого за счет гранта Российского научного фонда № 23-2801576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576>.

Для цитирования: Румянцев П.П. Взгляд жандармских офицеров на коммерцию и коммерческие слои в Сибири в дореформенное время // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 136–144. doi: 10.17223/15617793/515/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/16

Gendarmerie officers' view on commerce and commercial strata in Siberia in the pre-reform period

Pyotr P. Rumyantsev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, petroom@mail.ru*

Abstract. This study aims to explore the view of gendarmerie officers on trade in Siberia during the first half of the 19th century, examining both its general state and specific aspects. To achieve this aim, the following objectives were set: to identify reports by gendarmerie officers concerning trade and its labour force in Siberia; to determine the range of issues and problems in Siberian trade that these officers highlighted; and to monitor the reaction of government representatives to their reports. The primary sources for this article are gendarmerie documents, namely reports intended for the leadership of the Gendarmerie Corps and the Siberian gendarmerie district. The methodology is based on historical analysis, incorporating the historical-comparative, historical-narrative, and historical-systemic methods. The study concludes that gendarmerie officers in Siberia devoted significant attention to various aspects of commercial activity in their professional duties. A substantial body of documents has survived in which gendarmes provided information on the development of Siberian trade. These reports characterized individuals engaged in commerce, outlining the primary occupations and interests of the local merchant class. The gendarmes considered commerce a vital sector with a significant impact on the entire regional economy. They advocated for the expansion of trade with neighbouring countries, believing it would greatly benefit the entire Russian state. The officers understood that the welfare of the Siberian population depended heavily on the state of trade. They documented instances of malpractice in trade between the Russian population and indigenous Siberian peoples and argued for the necessity of rectifying these abuses in commercial relations. In their reports, the gendarmes did not merely list facts; they also investigated the causes and circumstances behind trade declines and even served as commandants at various fairs. Furthermore, they proposed measures intended to foster the development of trade in Siberia. Some of these proposals were implemented by local authorities and yielded positive results for regional commerce. Thus, this research supports the conclusion that the gendarmes' duties were multifaceted, extending beyond defending the political order and conducting investigations.
Keywords: gendarmerie corps, gendarmes, supervision, Siberia, 19th century, trade, commerce, fairs, merchants, merchant class

Financial support: The article was prepared on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences as part of the scientific project "Representations of Gendarmerie Officers about Russia in the Pre-Reform Era", funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-2801576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576>.

For citation: Rumyantsev, P.P. (2025) The view of gendarmerie officers on commerce and commercial strata in Siberia in the pre-reform period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 136–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/16

Жандармский надзор устанавливался постепенно и к середине XIX в. охватывал практически всю территорию Российской империи. Так, в каждой губернии находилось следующее количество жандармских служащих: один штаб-офицер в чине от майора до полковника включительно, состоявший при нем один адъютант в обер-офицерском чине (от прапорщика до капитана включительно), а также жандармская команда численностью до 30 чел. во главе с обер-офицером, которая размещалась в губернском центре и использовалась, как правило, для поддержания там порядка.

Жандармские штаб-офицеры и их адъютанты следили за обстановкой в губернии, не имея права вмешиваться в какие-либо события, за редким исключением, и должны были сигнализировать своему начальству обо всех явлениях и происшествиях, которые, на их взгляд, представлялись важными или имели чрезвычайный характер. Для правительства подобные донесения имели большое значение по той причине, что жандармы не зависели от местной власти, следовательно, они выступали сторонними наблюдателями, не имевшими своего интереса, кроме служебного, и их сообщения могли носить более-менее объективный характер. В поле зрения жандармских чинов попадало множество вопросов, в том числе и экономическая жизнь в регионах, на которую жандармы обращали пристальное внимание, в том числе и по причине прямой зависимости благосостояния населения от состояния местной экономики. В силу разных причин в отечественной историографии жандармский надзор за экономическим сектором остается малоизученной темой, не последнюю роль здесь играет дефицит сохранившихся исторических источников по этой теме. Исследователи обращали внимание на жандармский надзор за ярмарочной торговлей как в целом по стране [1], так и в отдельных регионах [2, 3]. Хорошо исследована история организации и функционирования жандармского надзора за золотодобычей в Сибири [4–6].

В представленной статье будет предпринята попытка изучить взгляд жандармских офицеров на торговые отношения в Сибири, проследить, какую они давали характеристику лицам, занимавшимся коммерцией. Сибирский регион в качестве территориальных рамок выбран по той причине, что он был самым удаленным от центра, имел свои особенности администрирования и социального развития, как, например, отсутствие как такового крепостного права, что предоставляло местным крестьянам свободу в их деятельности, в том числе и для занятия торговлей.

Правительство интересовалось качеством функционирования аппарата управления и в целом деятельностью как населения в Сибири, так и отбывавшими там наказание политическими ссыльными, и жандармерия являлась одним из источников информирования центральной власти по этим вопросам. Хронологические рамки исследования охватывают конец 20-х – начало

60-х гг. XIX в., с момента появления первых жандармских чинов в Сибири и до проведения реформы в крестьянской среде.

Фактически с начала своего появления в Сибири жандармские офицеры обратили внимание на состояние торговых отношений в крае и характеризовали лиц, ею занимавшихся. В 1829 г. сибирский регион с секретной миссией посетил жандармский подполковник А.П. Маслов, который вышел за рамки поставленной перед ним задачи, связанной с обзором образа жизни декабристов, а сообщил руководству политический полиции самые разнообразные сведения из тех местностей, через которые он проезжал.

В отправленной в конце 1829 г. записке под названием «Общие замечания о Сибири. О средствах к улучшению благосостояния поселян, городов и инородцев в Сибири» Маслов приводил свой взгляд на сибирскую торговлю. По мнению жандармского чина, торговля в Сибири находилась «не в цветущем состоянии», осуществлялась на нескольких крупных ярмарках (Ирбитской и Макарьевской) и в Москве. Сибирские торговцы привозили туда пушнину, сельскохозяйственную продукцию, рыбу, взамен же они вывозили многочисленные товары мануфактурного производства, «а именно: всяких сортов сукна, парчи, шелковой и бумажной материи, меха, сахар, кофей, фарфоровую, фаянсовую, стеклянную, медную, чугунную посуду, выделанные скотские кожи, замшу, полотна, ткацкие холсты, закуски, водки, вина, варенье и сухие ягоды, восковые и сальные свечи, мыло и тому подобное, словом, все, что только нужно для здешнего края, даже самые мелкие и простонародные вещи, как-то: гвозди, серьги, запонки, кольца, топоры, пилы и проч.». Маслов замечал, что большинство из перечисленных товаров обрабатывается в европейской части страны из сибирского сырья, сами товары посредственного качества, и таким образом, делал он вывод, торговля выгодна более «для купцов и фабрикантов внутренних российских городов» [7. Л. 29 об.–30].

Для развития всей торговли в сибирском регионе Маслов предлагал применить следующие средства. Так, он считал, что необходимо «естественные произведения Сибири» выделять на месте. Также он предлагал разрешить купцам 3-й гильдии вести торговую деятельность по всей какой-либо губернии, где они проживали, а не только в границах одного округа, как это было принято, а также их следовало освободить от взноса пошлин на право торговли. Данная мера, по мнению Маслова, могла бы способствовать тому, что ремесленники и крестьяне, главные производители в Сибири «мелочных произведений», получили бы возможность сбыта своей продукции указанным купцам [7. Л. 31].

Жандармский полковник также давал собственную оценку влиянию ярмарочной и заграничной торговли на развитие торговых отношений в Сибири. По мне-

нию Маслова, Ирбитская ярмарка, одна из самых крупных в России по количеству торгового оборота, больше вредила, чем приносила пользу сибирской торговли. Жандармский чин предлагал перенести эту ярмарку вглубь Сибири, например в Тобольск или Тюмень, что может оживить торговлю. «Фабриканты, купцы, мелочные торговцы и ремесленники нашли бы для себя верный источник сбывать свои произведения, поселяне не менее выиграли бы от удобной продажи своих изделий, равно как и от провоза в передний и обратный путь товаров», — писал Маслов и выражал надежду, что в коммерческо-промышленной среде европейской части страны нашлись бы лица, желающие переехать на обильные и богатые пространства Сибири, оставшись здесь на постоянное жительство, что, несомненно, благоприятно скажется на развитии всего сибирского региона [7. Л. 33–33 об.].

Маслов выражал надежду, что с присоединением так называемой Киргизской степи (территория между южным Уралом, Иртышом и устьем Сырдарьи) усилится российская торговля с Бухарой, Ташкентом и Кокандом. По мнению жандармского чина, у жителей указанных регионов можно обменивать имеющийся у них в большом количестве скот на сельскохозяйственные продукты, в которых они сильно нуждаются. Также Маслов считал, что важность среднеазиатских торговых партнеров заключается в том, что они могут поставлять шелк и бумажные материи, которые в то время закупались в Китае, и их доставка обходилась крайне дорого. Маслов надеялся, что правительство на первое время разрешит вести такую торговлю всему местному населению, особенно проживавшему вблизи границы («линейным жителям»), без специальной записи их в купеческие гильдии, а также ввозимые заграничные товары не будут облагаться пошлинами. По мнению Маслова, на первых порах от последней уступки могли произойти экономические убытки для казны, однако, с другой стороны, возможны политические выгоды, т.к. появится способ распространения христианства и просвещения среди среднеазиатского населения, «привязать их и соседние владения к России». Более того, Маслов был уверен, что подобная торговля откроет путь в Индию [7. Л. 35–36]. Таким образом, можно сделать вывод, что жандармский чин в конце 20-х гг. XIX в. видел возможный потенциал сибирской торговли не только для региона, но и для всей страны в целом.

В других своих донесениях Маслов неоднократно акцентировал внимание на различного рода злоупотреблениях, совершаемых местной властью и частными лицами, в том числе и со стороны торговцев. Так, в одном из своих рапортов жандармский чин указывал, что иркутское губернское начальство не обращает внимания на торговлю купцов, которые каждую весну загружают барки различным товаром, в том числе и «кизярской водкой». Последняя, со слов Маслова, выступает «вместо ходячей монеты, как самое верное и надежное средство в получении барышей» и с помощью которой происходит спаивание инородческого населения, живущего на р. Лене, после чего купцы «на кизлярскую водку выменивают дорогие звериные шкуры».

Далее Маслов приводил примеры торговли, грабительской по своему характеру для коренных народов Сибири, отчего последние становятся должниками и вынуждены длительное время выплачивать свои долги. Жандармский ревизор также приводил пример быстрого обогащения приказчиков некоторых купцов, которые разъезжали по окрестным селениям и заставляли местных крестьян сдавать им по низкой цене продукты своих ремесел и различной деятельности, позже продаваемые по завышенной цене. Для предотвращения этой ситуации Маслов предлагал принять меры, защищающие коренное и крестьянское население от деятельности купцов, «которых можно назвать пиявками, сосущими кровь жителей» [8. Л. 51 об.–53 об.].

В 1833 г. был учрежден 7-й жандармский округ, получивший неофициальное название Сибирского по той причине, что в его состав вошли все четыре сибирские губернии (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская), Омская область, а также Оренбургская и Пермская губернии. С 1837 г. округ получил 8-й порядковый номер в связи с появлением нового жандармского округа — на Кавказе. Первым начальником Сибирского жандармского округа стал уже упомянутый полковник Маслов по той причине, что ему уже был известен сибирский регион, а также он имел опыт руководства жандармским округом, т.к. до этого назначения он занимал должность начальника 5-го жандармского округа. Появление постоянного жандармского надзора позволило осуществлявшим его лицам погрузиться в специфику региона и сообщать своему начальству различную информацию.

В одном из своих первых ежегодных отчетов о состоянии подведомственного ему округа полковник Маслов указывал на деятельность приехавших в Сибирь торговцев, которых он именовал «взяжниковцами». По мнению жандармского полковника, деятельность этой категории торговцев оказывала неблагоприятное влияние на развитие коммерческих отношений в регионе по той причине, что они свободно разъезжали по всей Сибири, сбывая свой товар среди местных крестьян по низким ценам, при этом не платя никаких пошлин. По этой причине местное купечество не могло с ними конкурировать, а потому терпело серьезные убытки. Обращал внимание жандармский окружной начальник и на тот факт, что полученные от торговли огромные суммы наличных денег «взяжниковцы» беспрепятственно вывозили из сибирского региона. Для исправления данной ситуации Маслов предлагал «сих торгашей» обязать за производимую ими торговлю в уездных городах платить положенный акциз в пользу городских доходов и ограничить торговлю в специально устроенных для этого лавках, а не разъезжая по домам местных обывателей [9. Л. 16].

На правительственном уровне этими сведениями заинтересовались. В марте 1835 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин обратился к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, чтобы тот поручил Маслову провести исследование, не производится ли торговля крестьянами из числа «взяжниковцев» без оформления специальных свидетельств на торговую деятельность. В своем ответе Маслов сообщал, что по обширности сибирского

региона едва ли возможно в частном порядке установить точное число крестьян, торгующих без установленных свидетельств. Для выполнения данной задачи, по мнению Маслова, необходимо составить особую комиссию, которая бы и осуществила указанную проверку и обнаружила, кто производит торговлю без установленных свидетельств. Со своей стороны Маслов сообщал, что нельзя ручаться, что разъезжающие по Сибири «взяниковцы» имели необходимые для торговли свидетельства. В качестве примера он приводил такие города в Тобольской губернии, как Тюмень, Ялуторовск, Курган, Ишим и Тара, где «приписались» по два и более «взяниковцев», каждый из которых ведет торговлю от 50 тыс. до 100 тыс. руб. в перечисленных городах и их округах. При этом, со слов Маслова, «взяниковцы» для сбыта своего товара отправляют по селениям большое количество приказчиков из местных крестьян, у которых нет свидетельств на торговлю или же сами «взяниковцы» ездят в другие округа «под видом проезда в другие губернии или на ярмарки; одним словом, сии изворотливые торгошники везде находят способы к расширению своей торговли» [10. Л. 1–5 об.].

Преемник Маслова в должности окружного начальника генерал-майор Н.Я. Фалькенберг давал следующую характеристику «взяниковцам» и их деятельности: «Они большей частью господские люди или крестьяне, торгуя по гильдейским свидетельствам, не только во всех городах Сибири, но и селениях, уничтожили, можно сказать, всю местную торговлю сибирского купечества и приводят их в упадок; не будучи обязаны разными повинностями, как местное купечество, взяниковцы, неся менее расходов, употребляют еще все возможные извороты к сбыту своих товаров и, вывозя из Сибири значительные капиталы, не вознаграждают в замене край ничем; даже привозимые ими товары наших фабрик не отличаются в своем достоинстве» [11. Л. 123 об.–124]. Для исправления данной ситуации жандармский генерал предлагал определить, какими именно изделиями могут торговать «взяниковцы», повысить цену на торговые свидетельства для них и лиц, торгующих на одном месте более трех лет, а также заставить выполнять различные городские повинности по избранию городского общества [11. Л. 124].

Деятельность жандармских офицеров в губерниях со временем «обрастала» различными функциями, одной из которых было выполнение ими обязанностей временных комендантов на различных ярмарках. Данная обязанность была возложена на жандармов в 1833 г. По причине большого количества устраиваемых по всей территории России ярмарок и небольшого штата жандармских служащих было принято решение о составлении расписаний ярмарок, куда следовало командировать жандармских офицеров для выполнения ими обязанностей временных комендантов. В сибирском регионе таких ярмарок было немного (данные на 1852 г.): в Тобольской губернии – в крепости Обдорской (декабрь и январь) и вблизи села Маслянского в Шадринском уезде (25–30 августа), в Томской губернии – в г. Нарыме (май и июнь) и в Иркутской губернии – в слободе Кяхта (январь или февраль) [12. Л. 15–

16 об.]. Первоначально офицеры Сибирского жандармского округа также исполняли обязанности временного коменданта на Ирбитской ярмарке, расположенной в Пермской губернии и являвшейся второй по количеству товарооборота ярмаркой в России после Нижегородской (Макарьевской). Однако с середины 1840-х гг. надзор за Ирбитской ярмаркой стали осуществлять чины 7-го жандармского округа, которые также вели надзор за Макарьевской ярмаркой.

На протяжении трех десятилетий жандармские офицеры в Сибири выполняли обязанности временных комендантов на указанных ярмарках, а также некоторых других, проводившихся в сибирском регионе. По окончании каждой ярмарки жандармским офицерам следовало составить специальный отчет, предназначенный для окружного и корпусного жандармского начальства, в котором подводились итоги ярмарочной торговли, а также представлялся взгляд жандармских офицеров на эту торговлю в целом. Приведу некоторые выдержки из таких отчетов.

О самой крупной ярмарке, Ирбитской, жандармские офицеры сообщали только положительные сведения, в том числе приводили точные данные о ее товарообороте. Так, в 1845 г. находившийся в Пермской губернии жандармский штаб-офицер майор В.В. фон Вендрих докладывал, что ярмарка прошла в Ирбите с 15 февраля по 15 марта совершенно благополучно без совершения каких-либо происшествий, заслуживающих особого внимания. Жандармский чин указывал следующие товары, которые были привезены из Сибири на продажу: «мягкая рухлядь, чай, китайские и бухарские произведения, а из России – шерстяные и шелковые товары, металлы невысоких сортов, виноградные вина, сахар, красильные материалы и частью другие предметы роскоши». Все товары, по сведениям фон Вендриха, были проданы по выгодным ценам, особенно сибирская пушнина, а также он отмечал повышенные цены на чай и сахар по причине привоза небольшого их количества на данную ярмарку. Все товары, продолжал жандармский чин, большей частью вывезены в Сибирь, а чай закуплен для розничной торговли в Пермскую, Вятскую, Тобольскую, Оренбургскую и Казанскую губернии, в то время как «сибирская мягкая рухлядь» закуплена «в Санкт-Петербург, Москву, Лондон, Париж и Лейпциг» [13. Л. 1, 1 об.]. Начальник жандармского округа в Сибири генерал-майор Н.Я. Фалькенберг в одном из своих рапортов сообщал шефу жандармов, что Ирбитская ярмарка служит местом открытия фальшивых денег и продажи хищнического золота, тайно вывозимого с сибирских золотых приисков. Впрочем, добавлял жандармский генерал, местная полиция вполне успешно борется с этими негативными явлениями [14. Л. 4].

Сохранились жандармские донесения и про другие ярмарки, устраиваемые в Сибири. В январе 1845 г. находившийся в Тобольской губернии жандармский штаб-офицер майор В.И. Петровский исполнял обязанности временного коменданта на Обдорской ярмарке, которая проходила в крепости Обдорск, расположенной более чем в 1 500 км от Тобольска в районе

современного г. Салехард. Перед началом ярмарки генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков просил этого жандармского чина вести строгий надзор за соблюдением установленных Сенатом правил о сборе с инородцев Западной Сибири ясака натурой и запрещении частным торговцам вести с ними торговлю до окончательного взноса ясака, а также обязал Петровского предоставить отчет об итогах проведения ярмарки [15. Л. 185]. Жандармский майор справился с поставленной задачей, несмотря на то, что исполнение указанной обязанности было для него первым подобным опытом, а на жандармской службе он находился и вовсе полгода. Тем самым он представил взгляд человека, неискушенного в особенностях ярмарочной торговли.

Согласно Петровскому, Обдорская ярмарка являлась уникальной и непохожей на другие ярмарки, т.к. она предназначена исключительно для местного инородческого населения, по этой причине жандармский чин называл ее рынком, на котором инородцы закупают на год вперед необходимые им продукты и товары такие, как печеный хлеб, муку, листовой табак, сырые кожи, котлы, снаряжения для ловли рыбы и пр. В свою очередь, торговцы не наживаются на местном населении, приобретая у него лишь «малоценную рухлядь и весьма малое количество лисиц». По мнению Петровского, одна из главных причин небольшого торгового оборота данной ярмарки заключается в том, что коренные народы предпочитают вести отношения только с узким кругом знакомых им лиц и отказываются вести торговлю с незнакомыми им людьми. По этой причине торговцы предпочитают ездить на другие, более крупные ярмарки, как Ирбитская, рассчитывая там получить максимальную прибыль от продажи своих товаров [15. Л. 207–209]. Побывавший через 20 лет на этой ярмарке тобольский жандармский штаб-офицер полковник А.О. Заранек в своем донесении также подтверждал, что Обдорская ярмарка больше представляла из себя рынок, указывая, что ярмарочные помещения там состояли из 20 ветхих амбаров, заменявших лавки и расположенных на одной площади [16. Л. 2, 3].

Состоявший при жандармском штаб-офицере в г. Омске штабс-капитан Борщов, бывший в 1857 г. временным комендантом на всей той же Обдорской ярмарке, в своем рапорте приводил информацию о специфике торговых отношений на ней. Так, он отмечал, что открытие ярмарки из года в год начинается в разное время и зависит от уплаты коренными народами в казну ясака. До этого момента торговля официально запрещена, что, по мнению Борщова, ведет к постепенному ее упадку. Также жандармский чин приводил особенности торговых отношений, которые сложились «исстари» и заключались в следующем. Сибирские купцы заранее выдавали инородческому населению все необходимое для их домашнего быта, затем уже «по мере возможности и, смотря по тому, был ли улов зверя, они собирают с них долги (звериными шкурами), не делая при этом не только им притеснений, но даже в случае нужды снисходят к ним и откладывают взыски свои на год и более». Борщов подтверждал, что

инородцы по-прежнему ведут торговые отношения только со знакомыми им людьми, приезжая в Обдорск со своими семьями за месяц до начала открытия ярмарки с целью уплаты ясака, дающего им после этого право на куплю-продажу товаров, отчего терпят большие неудобства. Жандармский чин считал необходимым разрешить купцам вести торговлю с инородцами с самого начала их прибытия в Обдорск, чтобы «каждый торгующий имел бы возможность собирать с них долги, хотя понемногу и этими средствами продолжать иметь с ними дела, не опасаясь за свою будущность». Еще один вывод жандармского чина заключался в необходимости замены для инородцев ясака на подать (налог), взимаемый по их усмотрению либо звериными шкурами, либо деньгами, а также он предлагал разрешить вести торговые отношения с русским купечеством в течение всего года, а не только во время проведения единственной ярмарки, «тогда развилась бы в тамошнем крае торговля, а через частные сношения с русскими дошло бы до инородцев гораздо скорее просвещение» [17. Л. 4–7 об.].

Позиция Борщова была поддержана начальником Сибирского жандармского округа генерал-майором Я.Д. Казимирским и через руководство Корпуса жандармов доведена до генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда и Министерства финансов. Начальник Западной Сибири распорядился реализовать следующие меры: разрешить инородцам торговать во всякое время, но только в установленных для этого местах; запретить «русским промышленникам» въезд в тундру без особого разрешения; разрешить уплату ясака зверем или деньгами по ценам, определяемым раз в три года; за дорогие шкуры выдавать немедленно инородцам деньги, за вычетом с них следующего ясака, прием которого следовало осуществлять в любое время на ярмарках и различных «торжках»; учредить в Обдорске сверх зимней еще и летнюю ярмарку, устраиваемую с 15 августа по 1 сентября [17. Л. 13–32].

Особое внимание жандармские чины обращали на торговлю в Кяхте, населенный пункт, расположенный в Забайкалье на границе с Китаем, где размещалась таможня, переведенная в конце XVIII в. из Иркутска. Торговля в Кяхте носила международный характер и имела большое значение для экономического развития не только сибирского региона, но и всей Российской империи. По результатам своей первой поездки в Сибирь 1829 г. полковник Маслов представил в том числе записку о развитии торговли в Кяхте.

По мнению жандармского чина, кяхтинская торговля пребывала в состоянии упадка по целому ряду причин: невыполнения условий Правил торговли в Кяхте, утвержденных в 1800 г., большого количества различного торгового люда, которые мешают друг другу вести торговлю [7. Л. 12–14]. В своих донесениях Маслов сообщал, что торговля в Кяхте могла бы доставлять выгоду всему населению Сибири, однако по причине того, что она находится в руках купечества, то они и пользуются основными ее выгодами. При этом Маслов утверждал, что сами купцы не решаются на расширение своей торговли и изменение ее характера, предпочитая обычный торг товаров [7. Л. 30–31].

Начальник жандармского округа в Сибири генерал-майор Н.Я. Фалькенберг в своем годовом отчете за 1837 г. указывал, что кяхтинская торговля, которую он называл меновой, ежегодно дает российскому государству до 10 млн руб. таможенных сборов, а также приносит населению Сибири огромные выгоды за счет перевозки «вымениваемых китайских товаров и сбыта важного количества разной рухляди, добываемой в Сибири». Вместе с тем жандармский генерал выражал озабоченность неограниченной продажей хлеба в Китае, который закупается для продажи только в Забайкальском уезде и в основном местными крестьянами, которые не платят за это никаких сборов. От этого, по мнению Фалькенберга, происходит двойной вред: возникает опасность дефицита хлеба для населения Забайкалья и казна не получает определенную сумму денег от неуплаты взносов на право торговли. Жандармский генерал предлагал регулировать торговлю хлебом, исходя из его урожайности. Также для развития кяхтинской торговли Фалькенберг считал необходимым улучшение транспортной системы в Забайкалье за счет устройства на Байкале пароходства, что, как он сам понимал, приведет к большим финансовым затратам, либо же реализовать проект Кругобайкальской дороги, предложенный подполковником Корпуса инженеров путей сообщения Медведевым [11. Л. 121–122].

Помимо официальной, т.е. разрешенной, торговли, которая устраивалась в Кяхте и проходила через местную таможенную, также существовала неофициальная, связанная с покупкой-продажей различных товаров, которая велась на незаконных основаниях, без каких-либо на то разрешений и уплаты соответствующих взносов и податей. Одним из главных товаров, сбываемых в результате такой торговли, являлось так называемое хищническое золото, которое добывалось незаконным путем на сибирских золотых приисках или же тайным образом скупалось у сибирских приискателей, в первую очередь рабочих. В июне 1837 г. начальник жандармского округа генерал-майор Н.Я. Фалькенберг сообщал руководству Корпуса жандармов, что с частных золотых приисков в Томской губернии, несмотря на тщательный надзор со стороны золотопромышленников и местной полиции за рабочими, последние ухищряются выносить хищнически добытое ими золото, которое они продают в Томске скупщикам по 5 руб. за золотник (примерно 4,3 гр.). В дальнейшем это золото, со слов жандармского начальника, идет на изготовление различных товаров роскоши, в том числе специальных колец, на которые особо обученные «мастера» ставят фальшивые китайские клейма, которые настолько бывают искусно сделаны, что их трудно отличить от оригинальных китайских клейм. Через кяхтинскую торговлю эти кольца сбываются под видом оригинальной китайской продукции, которую при попадании в центральную часть России простые обыватели принимают «за китайскую редкость» и покупают по завышенным ценам. Для пресечения в будущем этой незаконной торговли жандармский окружной генерал предлагал Кяхтинской таможне накладывать на подобные кольца специальный штамп, чтобы отличать их от подделок, а также усилить преследование изготовителей фальшивых колец [18. Л. 2–3 об.].

Жандармские чины в Сибири по инициативе местных властей принимали участие в расследовании обстоятельств и причин повышения цен на жизненно важные продукты такие, как хлеб, соль. В декабре 1859 г. западно-сибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд обратился к руководству 8-го (Сибирского) жандармского округа с просьбой провести негласное расследование на предмет того, нет ли кроме неурожая и усиленной выкурки вина дополнительных причин «к непомерному возвышению цен на хлеб» в Тобольской губернии, а также еще узнать, нарушают ли в Тюмени таможенный соляной пристав правила продажи казенной соли, т.к. до Гасфорда дошли слухи, что он продает соль пермским промышленникам в ущерб местным жителям. По сведениям проведенного данного расследования омского жандармского штаб-офицера майора В.П. Рыкачева, причины возвышения цен на хлеб заключались в следующем. Во-первых, крестьяне Ишимского, Курганского и Ялуторовского округов за последние три года истратили значительную часть своих запасов хлеба (до 2,5 млн пудов) на корм свиней. Во-вторых, неурожай на уральских заводах привел к опустошению запасов хлеба в Курганском, Ялуторовском и частично в Тюменском и Ишимском округах. В-третьих, многие крестьяне «оставили хлебопашество, а обратились к торговле». В-четвертых, в некоторых округах Тобольской губернии «появились монополисты» из среды зажиточных крестьян, которые скупают значительную часть хлебных запасов «и в настоящее время скрывают, что запасы эти находятся в их руках». Из всего сказанного Рыкачев делал вывод, что угроза голода весьма возможна для жителей всей Тобольской губернии [19. Л. 1–4 об., 50–51].

Второе поручение Гасфорда майор Рыкачев также выполнил, сообщив, что продажа соли в Тюмени производится в ограниченном количестве, запасы соли в местных магазинах незначительны и уступают спросу. Тем самым делал вывод жандармский чин, недостаток соли в Тюмени серьезно ощущается. Собранные таким путем сведения генерал-губернатор Западной Сибири сообщил министрам финансов, государственных имуществ, а также внутренних дел, присовокупив, что необходимо срочно принять меры для исправления этой ситуации, чтобы регион не постигла участь массового голода [19. Л. 39–40, 52–53].

Узнать о взгляде жандармов на сибирскую коммерцию и занимающихся ею лиц можно из специальных полугодовых донесений, которые составлялись жандармскими губернскими штаб-офицерами для руководства Корпуса жандармов с 1832 г. [20]. Согласно специальному распоряжению шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, в этих донесениях следовало сообщать о местных чиновниках, помещиках и представителях разных сословий, которые оказывали влияние на местное управление и общество [21. Л. 3–5]. В 1856 г. уже другой шеф жандармов, князь В.А. Долгоруков, уточнил перечень лиц, на которых губернским жандармским штаб-офицерам следовало собирать и представлять раз в полгода сведения, в том числе и на всех «замечательных лиц», оказывающих влияние на местное общество [21. Л. 28–29]. В подобных донесениях

жандармские чины из сибирских губерний сообщали и про лиц, занимавшихся торговой и промышленной деятельностью.

В сохранившихся полугодовых отчетах приводилась следующая информация о лицах, занимавшихся коммерцией в Сибири. Так, про иркутских коммерсантов указано следующее: «[А.Е.]Кузнецов, очень богатый и честный купец, занимается золотопромышленностью и слывет благотворителем, имеет свою партию, своих почитателей, круг их, хотя невелик, но состоит из значительнейших лиц; «[1-й гильдии купец Х.П. Кандинский] живет недалеко от города Нерчинска, ведомства горных заводов в селении, при обширной местной и заграничной торговли он занимается распространением и улучшением хлебопашества, преимущественно для пользы жителей Забайкальского края. Слывет благотворителем бедных»; «[Купец 1-й гильдии И.С. Хаминов], человек весьма коммерческий, ведет большую торговлю в Кяхте и занимается пароходством от Тюмени до Томской губернии» [22. Л. 4, 32].

Про коммерсантов из Западной Сибири в жандармских полугодовых донесениях можно выделить характеристику И.Д. Асташеву, который был «Первый по богатству из числа золотопромышленников Томской губернии, дела свои и капиталы ведет в отличном порядке, имея ввиду одно только преумножение своих капиталов; погруженный в сферу коммерческих оборотов, ведет жизнь уединенную, отдельную от всех и расчетливую даже до скупости». О коммерции советника С.И. Попова сообщалось, что он «Быстрого коммерческого ума, доброй души и благородных качеств. Круг его действий золотопромышленность, винные откупа и разработка свинцовой руды. Приобрел весьма хорошее теоретическое образование по всем этим частям. Очень расчетлив <...>. Одним словом, человек вполне достойный уважения и почтения» [23. Л. 12 об.–14].

В целом в полугодовых донесениях давались положительные характеристики коммерсантам, имена которых были известны далеко за пределами Сибири и кто пользовался большим влиянием и уважением в местном обществе и у представителей власти. В то же время в общей массе сибирскому купечеству могла даваться в целом не столь лестная характеристика, как, например, про томское купечество в отчете за вторую половину 1857 г. указано, что, несмотря на наличие среди них очень богатых, «но они, не отличаясь ни своим образованием, ни своей предприимчивостью в торговых оборотах, вообще не выходят из круга посредственности» [23. Л. 26].

В большинстве случаев в своих донесениях из Сибири жандармы приводили информацию о торговле и коммерсантах из русского населения, в то время как о представителях коренного населения, занимавшихся торговыми делами, они практически не упоминали, либо говорили о них вскользь. Также в жандармской документации мало встречается информации о коммерсантах из еврейской среды, и, как правило, она имеет отрицательный характер, содержатся обвинения купцов-евреев в незаконном обогащении. Так, жандармский штаб-офицер в Томской губернии подполковник А.М. Герасимов в октябре 1858 г. сообщал

начальнику жандармского округа в Сибири, что скопление в Томске большого количества евреев, по его мнению, «весьма вредно». Стремление евреев к оседлости в губернском городе жандармский чин объяснял желанием «заниматься переводом хищнического золота», благодаря которому некоторые лица из еврейской среды стремительно разбогатели и «записались в первостатейные купцы и располагают весьма значительным капиталом, чего, по всей вероятности, прямым путем достигнуть невозможно» – приходил к выводу Герасимов. По получении этих сведений, подтвержденных губернской властью, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд просил окружного жандармского начальника содействовать властям в Томске «к открытию виновных в противозаконном обогащении» [24. Л. 2–3, 91–93, 96, 98].

По донесениям жандармов можно проследить их опасения от ситуации «срачивания» власти с коммерцией и занятием торговыми делами бывшими чиновниками. Ревизовавший в 1831 г. Сибирь жандармский капитан Алексеев в одном из своих рапортов приводил информацию о том, что нечестные на руку местные чиновники не боятся разоблачения, так как они могут в местах ссылки записаться в купцы, «производить на награвленные им деньги торговлю и, богатея, находиться еще в большем уважении у сибирских жителей, у коих одни деньги уважаются» [25. Л. 1 об.]. Первый начальник жандармского округа в Сибири полковник Маслов в одном из своих отчетов приводил пример томского прокурора Горохова, женатого на дочери богатого местного купца Филимонова, являвшегося, в свою очередь, родственником первооткрывателя сибирского золота купца Попова. Благодаря таким родственным связям, у местных коммерсантов, по мнению Маслова, существовала возможность влияния на присутственные места [9. Л. 7, 7 об.].

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Жандармские офицеры, находившиеся в сибирских губерниях, в своей профессиональной деятельности обращали пристальное внимание на состояние и развитие коммерции в регионе. В своих донесениях они сообщали о положении дел в сибирской торговле, о факторах, оказывавших на нее влияние, о лицах, занимавшихся коммерческой деятельностью.

Из этой документации можно сделать вывод, что жандармам были не безразличны общее состояние сибирской торговли и оказываемое ею влияние на местное общество. Жандармы не ограничивались констатацией каких-либо фактов о состоянии экономики, а предлагали меры, которые, по их мнению, могли способствовать общему улучшению положения дел в торговле. Региональные власти нередко прибегали к услугам жандармов, применяя их для решения каких-либо задач, в том числе по расследованию обстоятельств упадка экономики, выявлению незаконной торговли, фальшивомонетничества и пр. Жандармские чины добросовестно исполняли обязанности временных комendantов на крупных сибирских ярмарках, сообщая после их окончания в специальных рапортах общие итоги и приводили собственный взгляд на местную

торговлю. Проведенное исследование расширяет знания о деятельности жандармерии на региональном уровне и дает основание сделать вывод, что она не являлась исключительно репрессивным органом власти.

Дистанцированная от всех субъектов власти жандармское ведомство стремилось к оказанию содействия власти в решении различных задач и проблем, в том числе связанных с экономическим развитием.

Список источников

1. Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111.
2. Румянцев П.П. Жандармский надзор за Кяхтинской торговлей // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность : материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию войны на Халхин-Голе (1939–2019 гг.) (Иркутск, 15 мая 2019 г.). Иркутск : Оттиск, 2019. С. 94–100.
3. Румянцев П.П. Жандармский надзор за ярмарками в Сибири в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 58–66. doi: 10.17223/19988613/61/8
4. Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
5. Румянцев П.П. Изменение характера жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью в 50–70-е гг. XIX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 43–51.
6. Румянцев П.П. Прекращение жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в 80-е гг. XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 57–62.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 170. Д. 58.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 29.
9. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 17.
10. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 175. Д. 76.
11. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 249.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 10. 1846 г. Д. 729.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 185. Д. 129.
14. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 988.
15. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 17722.
16. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5982.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 197. Д. 134.
18. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 255.
19. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18377.
20. Бибииков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
21. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 494.
22. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. 247 ч. Д. 15.
23. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. 247 ч. Д. 49.
24. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4406.
25. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1317.

References

1. Romanov, V.V. (2010) Funktsionirovanie mestnykh podrazdeleniy politicheskoy politsii v usloviyakh provedeniya yarmarok v 1825–1860 gg. [The Functioning of Local Political Police Units During Fairs in 1825–1860]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 103–111.
2. Rummyantsev, P.P. (2019) [Gendarmerie Surveillance of Kyakhta Trade]. *Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'* [Peoples of Russia, Siberia and the Countries of the East: History and Modernity]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Battle of Khalkhin Gol (1939–2019). Irkutsk. May 15, 2019. Irkutsk: Ottisk. pp. 94–100. (In Russian).
3. Rummyantsev, P.P. (2019) Gendarmerie Supervision of Fairs in Siberia in the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 58–66. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/61/8
4. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) Uchrezhdenie zhandarmskogo nadzora na zolotykh priiskakh Sibiri v 1841–1842 gg. [The Establishment of Gendarmerie Surveillance at the Gold Mines of Siberia in 1841–1842]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (41). pp. 16–24.
5. Rummyantsev, P.P. (2019) Izmenenie kharaktera zhandarmskogo nadzora za sibirskoy zolotopromyshlennostyu v 50–70-e gg. XIX v. [The Change in the Nature of Gendarmerie Surveillance of the Siberian Gold Industry in the 1850s–1870s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 2 (22). pp. 43–51.
6. Rummyantsev, P.P. (2019) Prekrashchenie zhandarmskogo nadzora za chastnoy zolotopromyshlennostyu v Sibiri v 80-e gg. XIX v. [The Cessation of Gendarmerie Surveillance of Private Gold Mining in Siberia in the 1880s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26 (1). pp. 57–62.
7. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 170. File 58.
8. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 3. File 29.
9. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 11. File 17.
10. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 175. File 76.
11. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 13. File 249.
12. Russian State Historical Archive. Fund 1286. List 10. 1846. File 729.
13. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 185. File 129.
14. State Archive of the Russian Federation. Fund 110. List 2. File 988.
15. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 12. File 17722.
16. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 4. File 5982.
17. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 197. File 134.
18. Russian State Historical Archive. Fund 37. List 5. File 255.
19. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 13. File 18377.
20. Bibikov, G.N. (2021) Polugodovye doneseniya gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravleniya Rossiyskoy imperii 1830-kh gg. [Semi-Annual Reports of Provincial Gendarmerie Staff Officers as a Source on the History of Local Administration in the Russian Empire of the 1830s]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 34–57.
21. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 7. File 494.

22. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 19. Part 247. File 15.
23. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 19. Part 247. File 49.
24. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 3. File 4406.
25. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 3a. File 1317.

Информация об авторе:

Румянцев П.П. — д-р ист. наук, доцент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: petroom@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.P. Rumyantsev, Dr. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 28.11.2024;
approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 30.06.2025.*